

РЕАЛЬНЫЕ И ДЕКЛАРИРУЕМЫЕ ОБОСНОВАНИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ КАССАЦИИ

REAL AND DECLARED JUSTIFICATIONS FOR THE TRANSFORMATIONS OF THE INSTITUTE OF RUSSIAN CASSATION

S. Martynova

Summary. In this article we are talking about the conditionality of the third reform of the institute of domestic criminal cassation, about what justified its establishment and subsequent reform, including current processes. The accents of modern specialized literature on their inconsistency, understood most often situationally, outside the context of the general genesis of the domestic cassation, are critically examined. The historical and modern contradictions between the real needs of reforming (improving) the domestic criminal cassation and the declared goals, as well as the rationale for these transformations, are revealed.

Keywords: criminal cassation, criminal procedure, court of cassation instance, cassation courts mixed cassation.

Мартынова Светлана Владимировна

Аспирант, Московский гуманитарный
университет
belixvost@mail.ru

Аннотация. В этой статье речь идёт об обусловленности третьего по счёту реформирования института отечественной уголовной кассации, о том, чем обосновывалось его учреждение и последующее реформирование, включая текущие процессы. Критически рассмотрены акценты современной специальной литературы на их противоречивости, понимаемой чаще всего ситуативно, вне контекста общего генезиса отечественной кассации. Выявлены исторические и современные противоречия между реальными потребностями реформирования (совершенствования) отечественной уголовной кассации и декларируемыми целями, а также обоснованием этих преобразований.

Ключевые слова: уголовная кассация, уголовный процесс, суд кассационной инстанции, кассационные суды смешанная кассация.

В этом смысле сложно согласиться с предлагаемой Л.В. Головки по поводу корректировок законодательства 2018–2019 гг. дихотомией: «позитивная инновация или очередная деформация» [1, с. 39], так как ни тем, ни тем, более другим, она не является. Принимая во внимание важную для своего развития глубокую историческую составляющую [2, с. 225], кассацию в целом, сложно считать «инновацией». Требуется пояснения мысль цитируемого автора об «очередной деформации» (выделено нами), так как мы не находим ответа или указания на предыдущие «деформации» и, самое главное, на методы, которыми их удалось (или не удалось) исправить.

Важно выявить, чем было обусловлено текущее реформирование института российской уголовной кассации? Вопрос поставлен не случайно. В решениях высших судов, документах стратегического планирования, материалах органов судейского сообщества, специальной и правозащитной литературе, выступлениях Президента России, нам не удалось выявить сколько-нибудь последовательной и содержательной критики ранее действовавшего института кассации, недостатки которого должны были бы стать причиной его корректировки. Имеющиеся указания редки, фрагментарны и имеют

формальный характер. Если таких причин нет и смешанная кассация советского типа успешно справлялась с поставленными задачами, то чем же тогда было обусловлено её реформирование?

Посмотрим на исходные позиции. Известно, что институт кассационного обжалования судебных решений по уголовным делам берет своё начало с судебной реформы 1864 г. [3], но и тогда авторы реформы не столько критиковали современный им и далекий от совершенства порядок, сколько обосновывали необходимость реформы потребностью соответствия текущему развитию европейского (континентального) права и его институтов, прямо указывая на образец — французское право [4]. Проверенная за рубежом модель казалась И.Я. Фойницкому пригодной и для России, имея ввиду отказ от «пересмотра уголовного приговора» (вопросов факта) в кассации, сосредоточив её усилия на проверке лишь юридической части [5, с. 69].

Таким образом, формирование института российской уголовной кассации во второй половине XIX в. шло на фоне общей критики ранее действовавшей системы и признания необходимости учета европейского опыта. Кроме того, на тот момент был и практический

интерес. Важно было проверить как пока ещё неопытная первая инстанция применяла новые законы к выявленным фактам, не допускала ли нарушений процесса [6, с. 628].

Нельзя не обратить внимание и на обязательную отечественную особенность, когда в русле правовой политики, политико-правовых воззрений и традиций кассация должна была реагировать не только на формальные нарушения. Так, кассационные заключения А.Ф. Кони выходили за формально-догматические рамки выявления и критики ошибок нижестоящих судов, обращая внимание на общественные условия и, при необходимости, на вопросы совершенствования уголовного процесса [7, с. 124], что затем было воспринято и советской кассацией.

В целом, русская уголовная кассация, образца второй половины 1860-х годов, просуществовав до 1917 г. и удовлетворяя нуждам уголовного процесса, не подвергалась сколько-нибудь существенной критике ни официальной власти, ни доктрины, ни общества, ни даже левых радикалов, позицию которых относительно развития уголовного процесса после прихода к власти сложно рационально объяснить и обосновать.

Так, в числе первых мероприятий советской власти в правовой сфере стало переформатирование института кассации. Декретом СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» (№ 1) была ликвидирована апелляция, а кассационное обжалование передано уездному съезду судей. В 1922 г. в ст. 353 УПК РСФСР кассационная жалоба могла быть подана сторонами по поводу формальных нарушений судом их прав и законных интересов, без рассмотрения существа приговора. В редакции УПК 1923 г. эта норма перешла в ст. 349 УПК РСФСР.

Борясь с «пережитками» прежнего, «антинародного» режима, советская власть, аргументировала свои шаги исключительно классово-политическими установками. В.И. Ленин стремился «не реформировать судебные учреждения, а полностью уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат» [8, с. 91]. Именно в этом смысле вождь призывал «не угождать “Европе”... а усиливать вмешательство государства в частноправовые отношения» [8, с. 92]. Важно отметить, что работоспособность и необходимость действовавшего со времен судебной реформы кассационного механизма на момент принятия решений, специально не оценивалась. Позже, в начале 1920-х годов А.Ф. Кони положительно оценивал её результаты, в том числе в кассационной сфере в своих воспоминаниях и статьях, которые, в то же время не могли оказывать сколько-нибудь существенного влияния на советскую правовую политику.

Очевидно, что и уголовно-процессуальная доктрина вряд ли могла в ноябре 1917 г. (декрет «О суде») или в марте 1918 г. (декрет «О суде № 2») оказать какое-то влияние на принятые решения, либо критически оценить их. Примечательно, что никто из первых наркомов юстиции (Г.И. Оппоков (Ломов), И.З. Штейнберг, П.И. Стучка, Д.И. Курский) не выказал какой-либо содержательной критики старого института уголовной кассации.

Таким образом, если зарождение русского института кассации обосновывалось потребностью следовать европейской модели, то следующий этап его трансформации, не получив сколько-нибудь внятного научного обоснования, был направлен на прямо противоположное. В результате кассационное обжалование приняло форму неполной апелляции, которая могла быть расширена дискрецией самой кассационной инстанции, получившей полномочие изучать новые доказательства и устанавливать новые факты, действуя в интересах социалистической законности.

В соответствии с «Положением о судостроительстве РСФСР», утв. ВЦИК 11 ноября (н. ст.) 1922 г. [9] (ст. 39) областной (губернский) суд, будучи центральным (для губернии) судебным и надзорным органом становился и органом кассации по всем видам решений нижестоящих судов. В составе Верховного Суда РСФСР (ст. 55 Положения) были созданы кассационные коллегии по уголовным и гражданским делам, которые рассматривали решения областных (губернских) судов. Члены кассационных коллегий назначались по представлению Наркомюста и действовали (ст. 61 Положения) под «личным наблюдением» и «руководством» председателя Суда. Так государство устанавливало свое доминирование в судебной системе. В редакции Положения 1922 г. от 7 июля 1923 г. слово «судья», практически не используется, речь, как правило, идёт о «члене Верховного Суда» [10], который быстро превратился в типичного государственного служащего.

Кроме того, следуя новой редакции ст. 60 Положения 1922 г. Пленум ВС получил право не только рассматривать, но и утверждать постановления Президиума ВС, которые касались приговоров, а также иных решений как кассационных коллегий, так и всех прочих судов, если дело было передано в ВС РСФСР высшими органами власти, Председателем ВС и/ или Прокурором Республики. То же правило действовало и в отношении опротестованных прокурором решений. Таким образом, нарушался инстанционный порядок обжалования, органы власти получили приоритет и возможность передачи дел в высшую инстанцию по своему усмотрению, а не по воле сторон и/ или того, чьи права были нарушены. Такой порядок был характерен для советской правовой системы и впоследствии в немалой степени содейство-

вал массовым и грубым нарушениям законности, включая внесудебные расправы.

Следующей текущей корректировкой института уголовной кассации стало введение в состав коллегий народных заседателей. Официально это объяснялось укреплением народовластия и контроля трудящихся за работой органов государства. На самом деле причины представляются иными.

Несовершенство нового, только формирующегося советского уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также судебной системы, вело к тому, что с начала своей работы Верховный суд РСФСР получал огромное число кассационных жалоб. Их рассмотрение затягивалось, росли сроки, что, как отмечает П.В. Захарова, не соответствовало «образу оперативного правосудия, которое обещали народу большевики» [11, с. 72]. Нарастание штата судей до 8–12 постоянных членов, не дало результата. Оставалось два варианта: первый — вернуть апелляцию, второй — повысить производительность судейского труда, ввести в кассации «поточное», т.е. быстрое производство.

Был избран модернизированный второй вариант, предполагающий максимальную «демократизацию» судопроизводства, которая не в полном объеме была учтена в Положении 1922 г. и поправлена (ст. 64) постановлением ВЦИК от 7 июля 1923 г. [12] При Верховном суде РСФСР был утверждён штат в 48 народных заседателей, которых отбирал Президиум ВЦИК, публикуя их список в «Известиях». Введение нового института в Верховном Суде означало изменение структуры коллегий. Теперь дело рассматривалось не тремя профессиональными судьями, а одним — председательствующим (членом судебной коллегии) и двумя народными заседателями, в статусе «представителей широких трудящихся масс» [13].

Формально и официально это соответствовало статусу государства диктатуры пролетариата, так как в кассации заседатели представляли источник власти — трудящихся, руководствуясь, в отличие от судей не нормами права, а в большей степени — сложившимися в обществе отношениями. Этот подход вполне укладывался в действовавшую уголовно-правовую доктрину, в рамках которой правосознание считалось одним из источников права. Кроме того, предполагалось, что институт заседателей в кассации способствовал приобщению трудящихся к государственной и судебной, работе, воспитывая правовую культуру.

В то же время, вовлечение масс совершенно не соответствовало общему предназначению кассации — ре-визии вопросов права, в котором трудящиеся мало что

понимали. С другой стороны, нарком юстиции Д.И. Курский указывал на опасность того, привлечение заседателей в кассационные суды может «захлестнуть мелко-буржуазная стихия» [14], как это в свой время произошло с судами присяжных.

Введение народных заседателей в кассационные коллегии Верховного суда — процесс куда более сложный, чем это принято считать. Полагаем, что «демократизация» была лишь прикрытием. Во-первых, введение заседателей позволило существенно, фактически втрое увеличить «пропускную способность» Верховного суда, рассматривать существенно больше дел, сократить сроки. Во-вторых, исходя из специфики кассации, решения теперь фактически принимал один судья — председатель, который знакомился с делом и докладывал по нему. Не сведущие в законодательстве и процессе заседатели, возможно имевшие какое-то практическое значение в первой инстанции, где рассматривались факты, допрашивались свидетели, в кассации, чаще всего играли роль статистов. Это устраняло из процесса профессиональную судейскую коллегиальность, делая его не вполне объективным и управляемым.

В то же время, вектор научно-практических дискуссий того периода сместился в сторону проблем замещения института апелляции, так как некому стало проверить приговор суда первой инстанции по обстоятельствам (доказательствам) самого дела. М.С. Строгович указывал на распространенную в начале 1920-х годов позицию, по которой оценка доказательств — прерогатива исключительно суда первой инстанции, а не кассации. В то же время, в советском уголовном процессе нельзя было допустить формализм, т.е. отрыв юридической формы от сути дела. Исходя из этого кассационная инстанция должна была сохранить свои полномочия изучать приговор не только по нарушениям процесса и процедуры, но и дело по существу, проверяя законность и обоснованность решения, оценку доказательств и мотивированность [15, с. 162].

Именно по этому вопросу проявилось характерное для последующего (в том числе и современного) периода «судебное нормотворчество» [16], начало которому было положено редким правовым актом «Наказом Пленума Верховного Суда РСФСР уголовной кассколлегии» от 21 июля 1924 г. [17], в соответствии с которым в кассации уголовное дело «принципиально... по существу» не рассматривалось и не разрешалось. В то же время, в интересах социалистического правопорядка, борьбы с бюрократизмом и буржуазным формализмом, такой подход признавался «чисто формально-бюрократическим», отжившим и не соответствующим интересам пролетарского государства.

Простой и логичный выход из ситуации был в восстановлении апелляции, но на это не пошли, отстаивая реформированную судебную структуру и отлаживая её путем корректировок. Они сводились к тому, чтобы кассация не устранялась от выяснения сложных обстоятельств дела, так как такое поведение было бы, по оценке ВС РСФСР «лицемерием». Ставилась задача выяснять в кассации обстоятельства, которые повлияли, либо были способны повлиять на приговор. Действуя по «Наказу», пусть и не имея на то законных полномочий, кассация получила право устанавливать «явное несоответствие назначенного наказания» тому, что совершил осужденный. То же относилось и ко всем иным ошибкам и противоречиям, выявленным в приговоре, несоответствиям в оценке доказательств [17]. Ситуация была типичной для советского права и уголовного процесса, где действовала сложная совокупность нормативных правовых и иных актов, включая разного рода совместные постановления (партийно-политические акты, указы, декреты), правовой статус которых и порядок действия не всегда были формализованы.

В дальнейшем советская уголовная кассация развивалась в русле развития судебной системы. В соответствии с Положением о Народном комиссариате юстиции РСФСР, утв. 3 июня 1929 г. [18] самостоятельность судебной власти была ликвидирована. Верховный суд РСФСР стал структурным подразделением НКЮ, а его председатель — заместителем наркома. При этом Положение о судостроительстве РСФСР не отменялось.

Вопрос об институте кассации вновь возник при обсуждении Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР и союзных республик 1958 г., а затем проекта УПК РСФСР 1960 г. законодатель пошел не по пути выделения из «смешанной» кассации апелляции, а совершенствования ранее действовавшего института. При подготовке концепции новых УК и УПК РСФСР, в частности в ст. 49 Основ для кассации систематизировались общие основания к отмене, либо изменению приговора, впоследствии составившие ст. 342 УПК РСФСР 1960 г. Это: односторонность и/или неполнота предварительного следствия, судебного разбирательства; несоответствие выводов суда, отраженных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела; существенное нарушение положений УПК РСФСР, их неправильное применение; не соответствие наказания тяжести преступления, а также личности осужденного.

Новые формулировки не демонстрировали отхода от положений традиционной, дореволюционной отечественной уголовно-правовой доктрины. В частности, в новом УПК 1960 г. внимание заострялось на «существенном нарушении уголовно-процессуального закона», тогда как русский законодатель на нарушении также

«столь существенных», но «обрядов и форм», т.е. лишь процедуры, процессуальных правил. Окончательно основания к отмене, либо изменению вступивших в законную силу приговоров в надзорном порядке были сформулированы в ст. 379 УПК РСФСР 1960 г.

Новый уголовно-процессуальный закон не содержал обязательного требования выявить причинно-следственную связь между допущенным нарушением и незаконностью (необоснованностью) приговора, получив существенно расширенные дискреционные полномочия.

Таким образом, советский законодатель минимизировал значение сторон, предоставив кассации максимальные полномочия в деле проверки не только приговора, но также дознания и предварительного следствия. Такая политика, как обосновано указывает А.М. Панюкин, свидетельствовала о приоритете публичного интереса над состязательностью и диспозитивностью [19, с. 66], которые таким образом в кассации были ограничены также и в силу того, что прокурор здесь уже не был стороной по делу, а давал заключение о законности и обоснованности приговора, а также о наличии, либо отсутствии законных оснований для того, чтобы удовлетворить, либо отказать в удовлетворении кассационной жалобы.

Выявленные в кассации дефекты предварительного следствия или действий суда первой инстанции влекли за собой ревизию фактических обстоятельств дела, чему было придано специальное основание. Фундаментальным основанием для отмены приговора стало *несоответствие выводов суда, приведенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела*. Такой подход законодателя обеспечивал право на пересмотр вопросов факта. Данное положение фактически стало закреплением судебной практики последних десятилетий, что устранило неопределенность, порожденную первыми декретами советской власти, когда законодатель, в значительной степени находясь ещё под влиянием революционного права, запретил в ст. 349 УПК РСФСР 1923 г. ревизию факта, а значит и пересмотр существа приговора.

В УПК РСФСР 1960 г. (ч. 2 ст. 345) был расширен перечень безусловных *существенных* нарушений, давались определение (ст. 346) *неправильного применения и истолкования уголовного закона* было предельно упрощено (ст. 347) широкое и фундаментальное понимание *справедливости*, сведя его к оценке тяжести наказания, когда «справедливости правосудия» означала «справедливость приговора» [20, с. 49], которые в условиях советского (социалистического) правосудия презюмировались.

Таким образом, корректировки положений о кассации в УПК РСФСР 1960 г. были попыткой совершен-

ствования её смешанного характера. В дискуссиях того периода выдвигались противоположные предложения, с одной стороны о сужении полномочий кассации, а с другой, наоборот, о расширении, приглашении экспертов, допросе свидетелей и т.п. [21], что означало бы возврат к «чистой» апелляции.

«Существенные институциональные противоречия, как отмечает А.М. Панокин, сделали социалистическую модель пересмотра судебных решений крайне неустойчивой и предопределили ее недолговечность» [19, с. 107], не приведя подтверждений ни «неустойчивости», ни тем более «недолговечности», продолжавшейся более 90 лет. Здесь уместно привести мнение Ю.А. Коршунова о том, что «институт советской кассации был... одной из форм буржуазной апелляции» [22, с. 34], официальное возвращение которой было лишь вопросом времени.

В 2010–2013 годах в отечественном уголовном судопроизводстве был в полном объеме возрождён институт апелляции, отделённый от института кассации. В то же время статистика показывает, что в уголовном судопроизводстве суды апелляционной инстанции как правило, передают дела на новое разбирательство, не используя, таким образом, в полной мере предоставленные полномочия по исследованию доказательств [23, с. 55], а следовательно, и в полном объеме свою контрольную функцию. Налицо инерция смешанной кассации советского типа.

Что касается обсуждения проектов кассационной реформы, то смешанный характер кассации советского типа, как и большинство вопросов права и процесса здесь отошли на второй план. Приоритетом стала потребность «повысить реальную независимость судебной системы...», устранить «пристрастные решения областных судов...», вывести дела из регионов, устранить «значительную зависимость [областных] судов» от «местных правоохранительных органов, органов власти и управления». Аналитики критиковали систему «неформальных отношений» судей «с местными властными структурами», с вытекающей отсюда «недостаточной объективностью» [24, с. 132]. Отсюда делались выводы о том, что ранее действовавшая модель организации судебной системы (сосредоточения в областном суде нескольких инстанций), как отметили А.С. Платова и П.В. Шумов, «всецело допускала формирование коррупционных связей» [25, с. 116]. В.М. Жуйков, отметив «массу проблем» из-за объединения апелляционного и кассационного производств в президиуме одного суда, поставил в пример кассационное производство в арбитражных судах, специально выделенными окружными судами [26]. Целью создания кассационных судов общей юрисдикции, А.Г. Халиулин назвал «повышение объективности рас-

смотрения уголовных дел и независимости судей от органов власти субъектов РФ» [27, с. 38]. Приведенные позиции абсолютно доминировали в литературе в период обсуждения проекта кассационной реформы, заслоняя собой собственно вопросы права и процесса.

А что же законодатель? Положительно оценив действие отдельных кассационных и апелляционных судов «на опыте их деятельности в системе арбитражных судов», в проекте закона он обосновал «объективную необходимость создания... структурно самостоятельных кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» лишь одной причиной — реализовать организационную обособленность судебных инстанций «в целях максимального обеспечения их независимости и самостоятельности при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб и представлений...», чтобы не делать это «в том же субъекте РФ и тем более в том же суде, которым дело рассматривалось в первой инстанции» (выделено нами).

В качестве факультативной была указана цель: «усовершенствовать инстанционное устройство судов общей юрисдикции и оптимизировать судебную нагрузку» [28].

Таким образом, и процессуальная наука и законодатель сошлись в главном, целью и сутью кассационной реформы стало обеспечение независимости самостоятельности кассации, вопросы права здесь не ставились и не рассматривались.

Таким образом, институты российской кассации, оформившись существенно позже европейской, на начальном этапе вобрали в себя европейские стандарты и опыт их реализации. При этом чисто юридическое и практическое обоснование было дано лишь при учреждении нового института в рамках судебной реформы 1860-х годов. В дальнейшем, реформирование и совершенствование отечественной уголовной кассации обосновывалось политическими (советский период) и социально-политическими факторами и аргументами, такими как, например в 2018–2019 гг. — обеспечения независимости судов от влияния местных органов власти, независимости судей от их коллег в вышестоящих судах, борьба с коррупцией. Факультативно кассационная реформа обосновывалась также потребностью в сокращении нагрузки на областные суды. Приводимые законодателем и научной аналитикой аргументы обоснования вызывают вопросы, так как предполагают, что ранее существовавшая система ревизии и пересмотра решений была зависима, необъективна и даже коррупционна? В то же время, таких выводов никем и нигде официально не делалось, а реальная потребность в реформировании (признавая важность обеспечения независимости)

состояла в выделении чистой (не смешанной с апелляцией) и сплошной уголовной кассации. Эти, ключевые вопросы права, для решения которых традиционно ра-

ботает кассационная инстанция, в обосновании текущей реформы если не выпали совсем, то отошли на третий план.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головкин Л.В. Институт «сплошной» кассации в уголовном процессе: позитивная инновация или очередная деформация?// Закон. 2021. № 7. С. 32–43.
2. Олейник И.И., Олейник О.Ю. Становление института кассации в советском судопроизводстве: историография проблемы// Российский юридический журнал. 2015. № 6 (105). С. 222–237.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. второе. Т. XXXIX. Отд. второе. 1864. Закон № 41475. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867.
4. Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий. Вып. V: Ст. ст. 765–999. / Под общ. ред. М.Н. Гернета. М.: Издание М.М. Зива, 1916.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Изд. 3-е, пересмотр. и доп. Т. II. СПб.: Сенатская типография, 1910.
6. Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. Судостройство — судопроизводство. — Изд. 4-е, доп. и испр. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1918.
7. Кони А.Ф. Судебные речи. Т. 3. М.: Юридическая литература, 1967.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 91
9. Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судостройстве РСФСР»// СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.
10. Постановление ВЦИК от 7 июля 1923 г. «Об изменениях и дополнениях Положения о судостройстве РСФСР»// СУ РСФСР. 1923. № 48. Ст. 481.
11. Захарова П.В. Эволюция компетенции и структуры Верховного суда РСФСР В 1923–1936 годы// Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 1. С. 67–97.
12. СУ РСФСР. 1923. № 48. Ст. 481.
13. Народные заседатели в Верховном Суде // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 38. С. 2–7.
14. Речь Д.И. Курского на праздновании четырехлетия Московского народного суда // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 49. С. 12–18.
15. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. II: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М.: Издательство «Наука», 1970.
16. Вопрос остается предметом оживленной дискуссии. См. Кучин М.В. Судебное толкование или судебное нормотворчество?// Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 20–35; Баранова Е.Г. Судебное нормотворчество в уголовно-процессуальном праве: ожидание и реальность// Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Вып. 10. № 3 (37). С. 369–373.
17. Утв. протоколом № 15 заседания Пленума Верховного Суда РСФСР от 21 июля 1924 г.
18. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 03.06.1929 «Об утверждении Положения о Народном комиссариате юстиции РСФСР» // СУ РСФСР. 1929. № 41. Ст. 434.
19. Панокин А.М. Пересмотр судебных решений в период действия УПК РСФСР 1960 г.// Право и политика. 2017. № 9. С. 62–75.
20. Поздняков М.Л. Система оснований отмены и изменения судебных актов в российском уголовном процессе. М., 2015. 160 с.
21. Подробнее об этом: Перлов И.Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968. 396 с.; Лупинская П.А. Пересмотр приговоров, определений и постановлений, вступивших в законную силу, в порядке судебного надзора. М., 1978.
22. Коршунов Ю.А. К вопросу о советской кассации и буржуазной апелляции// Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 3–1. С. 30–39.
23. Панокин А.М. Передача судом апелляционной инстанции дела на новое судебное разбирательство в административном, гражданском и уголовном судопроизводстве// Российская юстиция. 2018. № 12. С. 54–57.
24. Пронина М.П. Проблемы реформирования институтов апелляции и кассации// Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 4 (34). С. 130–135.
25. Платова А.С., Шумов П.В. К вопросу о создании апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции// Бюллетень науки и практики. 2019. Вып. 5. № 8. С. 114–119.
26. Жуйков В.М. О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судостройстве// Журнал российского права. 2017. № 8 (248). С. 135–150.
27. Халиулин А.Г. Проблемы пересмотра приговоров апелляционными и кассационными судами общей юрисдикции// Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 37–39.
28. Законопроект № 374020–7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»// Государственная Дума РФ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/374020-7>